

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ NEW ADULT.
МАГИЧЕСКИЕ МИРЫ МАҚСА ДАЛИНА

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

КОРОНА, ОГОНЬ
И МЕДНЫЕ КРЫЛЬЯ

КОСТЁР
И САЛАМАНДРА

МАКС ДАЛИН

КОСТЁР
И САЛАМАНДРА

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д15

Иллюстрация на переплете *Selann*

Далин, Макс.
Д15 Костер и Саламандра. Книга 1 / Макс Далин. — Москва : Эксмо, 2024. — 480 с.

ISBN 978-5-04-203592-0

Принцесса Виллемина Междугорская — наследница легендарного короля Дольфа, некроманта на троне. Нелюбимая жена чужеземного принца. Разменная монета в играх престолов.

Карла — некромантка из знаменитого рода, где Дар угас давным-давно. Наделённая такой силой, какой никогда прежде не встречали у женщин. Мёртвая для своей семьи и нашедшая приют среди бродячих циркачей.

Две юные девушки, которым по воле насмешливого случая досталось наследие могущественных древних владык. Они встретились, чтобы вместе выжить в пучине дворцовых интриг и повести свою страну к величию. Впереди у них битва, призрак которой пугает даже суровых мужчин. И в этой битве мало выстоять — нужно победить...

Долгожданное продолжение культового темного фэнтези «Убить некроманта».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-203592-0

© М. Далин, текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ЧАСТЬ I

*...Но раз уж объявился в аду –
так ты пляши в огне!*

А. Башлачёв

Вошла в историю накануне своего семнадцатилетия. Поздно вечером, уже ночью практически.

Заканчивался день Семи Благих Мучеников, так что погодка стояла соответствующая. Осенняя ночь темней тюрьмы, штормовой ветер и дождь. Будь у меня в тот момент дом, не было бы в мире сил, способных выгнать меня из тёплой гостиной в такую паршивую погоду. Но эти припёрлись. Охота пуще неволи.

Я до сих пор не понимаю, что их так тянуло в балаган на ночные представления. Что-то мне подсказывает, что не из-за Блондинки они туда шлялись: таких, как она, можно купить в порту или в любой улочке, которая примыкает к порту, по дешёвке, в любое время суток, с гораздо большим комфортом. Вряд ли из-за Жирдяйки, хотя они ржали, когда она выползала на арену. Совсем сомнительно, что из-за Бороды: Бороду для того и держали, чтобы она бежала лохов.

Скорее всего, они хотели Кликушу и меня. И Горлодёр об этом знал. Именно поэтому и выгонял на манеж либо её, либо меня, по одной на вечер — хорошенького понемножку. Поэтому и платил нам на десятку больше, чем другим уродкам.

МАКС ДАЛИН

Но и работали мы тяжелее, чем все остальные. Остальным достаточно было просто кривляться. Мы с Кликушей продавали побольше, чем возможность на нас поглазеть. По моему ощущению — даже больше, чем Блондинка продавала какому-нибудь везучему лоху после представления. По моему ощущению, такие вещи вообще нельзя продавать. Но у нас выхода не было.

Кликуша, несчастная старуха, оказалась в тягость собственным детишкам — и они постепенно выжили её из дому. У меня дома просто не было. Дома не было, семьи не было и ничего не было. Жизни я тоже запросто могла лишиться в любой момент.

Осталась у меня тогда только Тяпка. Последнее сокровище, друг и дорогая память. Помогала мне выжить.

В тот вечер я очень хотела отмазаться. Вообще-то имела право: не моя очередь. Но Кликуша приволоклась в фургон, который я делила с Бородой, поскреблась в дверь, как промокшая собака, — и, как только я открыла, шустро просочилась к жаровне. Развесила на спинке стула свою мокрую шаль и начала сипло хныкать:

— Клешня, доченька, ты видишь, какое дело: простыла я, совсем без голоса. Ты бы меня заменила сегодня, а?

Тяпочка, которая всегда чувствовала то же, что и я, высунулась из-под койки и сделала ей «кусь»: щёлкнула клыками у самых её пальцев. И Кликуша тут же взвизгнула:

— Детонька, ну я ж просила! Ну убери тварь, не могу!

Взбесила меня.

КОСТЕР И САЛАМАНДРА. книга 1

— Ты не можешь, — говорю, — значит, и я не могу.

Она заюлила, начала ныть, кланчить, умолять, бедная, несчастная, больная бабушка — и в конце концов я рявкнула:

— В последний раз! Запомнила? Теперь отвали, дай мне одеться.

Есть люди, которым легче дать, чем отвязаться.

Борода всё это слышала и хихикала. Её искренне радовал любой скандал вообще, хоть самый мелкий, но в данном случае — особенно. Злорадствовала. Ей приходилось выступать каждый день, и она считала, что у меня незаслуженно привилегированное положение.

— Зря отказываешься, — сказала она, когда Кликуша ушла. — Ты бы могла та-ак прогреметь! Знаешь, какое сделать представление?! Уж-жасное...

А я напяливала на кринолин чёрную юбку с якобы обтрёпанным подолом и думала: ещё не хватало мне стать звездой балагана уродов. То есть — ладно, я, конечно, урод, но не до такой степени, чтобы зарабатывать этим на жизнь. Всю жизнь.

Я смотрела, как Борода причёсывает свою знаменитую бороду, чёрную и кудрявую бороду, которая смотрится с глубоким декольте особенно гадко, и убеждала себя, что здесь, по крайней мере, тепло и безопасно.

Мне здесь даже на манеже было безопасно.

Любой меченный проклятием чувствует такие вещи. Дар — как барометр; за всё время, которое я вкальвала на Горлодёра, он ни разу не упал. Только великая сушь.

Лохи, конечно, приходили на меня поглазеть, потому что им хотелось побояться. Но боялись они

МАКС ДАЛИН

не всерьёз, так, щекотали себе нервы... Думаю, они меня тоже не воспринимали как угрозу.

Для тех, кого ты развлекаешь, ты — ручной.

Как забитый и беззубый цирковой лев: бежать некуда, Чёрный Юг далеко.

А Борода задумчиво сказала:

— Ну и страшна же ты!

И я машинально огрызнулась:

— На себя посмотри.

— Если я бреюсь, — сказала Борода самодовольно, — я похожа на женщину.

Я даже спорить не стала. И не взяла муфту.

Отец мне говорил: «Цветик, всегда носи муфту, не забывай. Клеймо провоцирует людей», но я и без него знала. Клешня. Сколько себя помню — столько помню это словцо. Отец проговорился, что мать упала в обморок, когда рассмотрела меня сразу после родов. А придя в себя, прошептала: «Боже мой, клешня...»

Что уж о чужих говорить...

У меня на левой руке восемь пальцев: четыре с одной стороны ладони, четыре с другой. Рука похожа даже не на крабью клешню, а на самого краба или паука — люди шарахаются с визгом. Поэтому цветик носит муфту... когда не выходит на манеж. На представлении я показывала, чем я урод: вот, клеймо Тех Сил у меня. Вот. Настоящее.

Не то что у остальных в балагане. У них — так, игра природы, полные пустяки. Занятно и удивительно, но не ужасно. Даже у Кликуши не так ужасно, хотя искра Дара есть и у неё. Позволяет ей видеть тень близкой смерти: хоп — и припадок. Бьётся в корчах: «Рядом с тобой смерть! Смерть! Вижу

КОСТЕР И САЛАМАНДРА. книга 1

смерть!» — омерзительное зрелище. И клейма у неё нет, только исключительно мерзкая рожа.

У меня совсем другое дело.

Некромантия, тёмный Дар, обычно передаётся по мужской линии. Не в моём случае.

Мои родственники, которых я помню, до моего рождения считали, что Дар в нашем роду угас. Стёрся о время. У прадеда не было вообще. У деда не было вообще. У отца — еле-еле теплился. И никакого уродства, никаких знаков Тех... и вдруг рождаюсь я.

Тварь тьмы.

С такой красотой.

Жалкая девчонка. С сильным Даром, с ярким, с настоящим, про который говорят, что у женщин такого не бывает.

Всё бывает в нашем лучшем из миров.

Я накинула плащ с капюшоном, свистнула Тяпку, вышла в сумерки, под дождь. Мелкий Флик крутил механический орган, и дождь смешивался с мрачным и тревожным маршем, который должен был создавать у лохов правильное настроение.

У балагана лохи толпились под газовым фонарём, мокрые, тёмные. Горлодёр орал, что удивительное, вот прям удивительное, кошмарное, вот прям кошмарное — незабываемые впечатления, испытайте ваши нервы, мессирь! Ни одной тётки среди лохов не виднелось: порядочные, так сказать, женщины в балаган уродов не ходят, это фи.

Репутацию пятнает.

Я прошла мимо лохов — никто не дёрнулся. Так, проводили взглядами: необычно же, девка около балагана. Кроме самых дешёвых девок, никто не

МАКС ДАЛИН

гуляет, когда часы на ратуше вот-вот пробьют одиннадцать, а дешёвки обычно трусят ходить в такие места. Но я в темноте — как любая девка, только юбка и плащ. И Тяпу они, наверное, приняли в потёмках за обычную собаку.

Она движется как простая собака.

Чтобы понять, надо смотреть при свете. А на свете Горлодёр сэкономил, даже за кулисами было полутемно.

И Тяпа тыкалась мне в клешню своей милой жёсткой мордой.

Я тогда говорила отцу, что лучше бы оклеить Тяпкину морду мехом, а он только покачал головой: нет, цветик, мех — штука недолговечная, быстро истреплется, или моль съест. Может, оставить голую кость и не так красиво, зато надёжно, мыть легко и никаких мерзких насекомых. И я согласилась.

Так что у Тяпы только уши и нос из дублёной кожи. Глазки стеклянные, какие делают для чучел, остальное — дерево, металл и кости. Деревянный и бронзовый скелетик борзой.

Двигается как живая собака. И в чучельных стекляшках — собачья душа. Тяпочка.

Лохи ужасаются, но всё-таки думают, что Тяпочка — автоматон. Заводная игрушка из собачьих костей.

Страшненькая игрушка для лохов.

Мой отец был механик. Делал заводные игрушки для очень богатых лохов. Роскошные автоматоны. По Тяпе это заметно.

Но отец сделал ей только новое тело. Остальное — я и Господь, вернее, сначала Господь, а по-

КОСТЕР И САЛАМАНДРА. книга 1

том я. Моя Тяпочка... она не может есть, не умеет лаять, но она научилась так жить, она привыкла. Мы с ней друг друга любим.

В ожидании нашего выхода мы с ней устроились за кулисами. Я сидела на сундуке с барахлом и глазола через дырку в кулисе, а Тяпа пристроилась рядом, головой у меня на коленях. Лохи повалили в зал, Мелкий Флик накручивал модный марш, Блондинка профланировала мимо меня, гордо неся свой тяжеленный бюст, за который её и взяли в балаган. Шталмейстер Клоп, гадливо ухмыляясь, притащил какую-то вонючую дохлятину в мешке.

Дар чуть дрогнул, как огонёк свечи. Дохлый кот и пара здоровенных крыс из крысоловки.

Я сморщила для него нос:

— Не мог просто курицу купить? Надо, чтобы кто-нибудь опять наблевал на барьер?

Клоп скорчил такую гримасу, что наверняка лохи дали бы что-нибудь за показ такого мордоворота:

— Да щас! Курица денег стоит! А это халява! Да и не всё ли равно лохам?

Я вытряхнула падаль из мешка — Дар вспыхнул, согревая меня изнутри:

— Бедная кисонька, бедная кисонька... давай, поцелуй его!

Клоп удивительно лихо отмахнулся от дохлого кота, сиганувшего ему на грудь:

— Ах ты, мстительная стерва!

— Кис-кис, — позвала я труп, скорчив Клопу рожу в ответ. — В следующий раз не будешь мне таскать гнилую падаль. Лохам, может, и всё равно, а мне — нет, ясно?

МАКС ДАЛИН

— Уродина, — буркнул Клоп и отвалил.

На манеже под приторный вальс выделялась Блондинка, а Горлодёр, перекрикивая восхищённый рёв лохов, трывдел о Даме с Большими Буферами. А я оглядывала реквизит. Могло быть и хуже: ката, наверное, загрызли бродячие псы, голова у него болталась, зато были целы позвоночник и лапы. Ну что ж, покажем красивое.

С крысами красивое не вышло бы: их хребты перебиты дужкой крысоловки. Они заинтересовали разве что Тяпу. Моя милая псинка тыкалась в них носом, а я который раз думала: она чует запах или это просто привычка? Интересно... Впрочем, наверное, чует. Я чую — значит, и она чует. Правда, видимо, нюх у неё не такой острый, как при настоящей жизни.

Мы с Тяпой спокойно подумали, пока Блондинка заводила лохов своими формами. Потом послушали, как они ржут над Жирдяйкой, а она отругивается. Я не сомневалась, что у Жирдяйки настоящий талант и Горлодёр держит её в основном за ругань: Жирдяйка не была самой жирной тёткой в стране, хоть об этом и ввали афиши. Просто так себе толстая. Здорово толстая, только не слониха и не бегемотица, как ей Горлодёр льстил. Но отбрить она умела без бритвы и зарезать — без ножа. Приятно послушать. Я даже пыталась у неё учиться.

Номер Бороды пришлось сильно сократить: какой-то гад из лохов швырнул в неё тухлым яйцом и здорово попал. Она удрала с манежа, рыдая от злости, под улюлюканье и восхищённые вопли лохов, а я подумала, что Жирдяйка бы сперва заставила скота провалиться сквозь землю.

КОСТЕР И САЛАМАНДРА. книга 1

Занятое существо Борода. Растительность на физиономии — как у мужика, а характер — слабее, чем у нормальной бабы. Дешёвка.

Из-за неё мне пришлось идти на манеж раньше, чем я хотела.

Горлодёр заорал: «Чудо природы! Клешня, ведьма и некромантка, со своей дохлой собакой!» Сколько раз его просила: говори «с мёртвой собакой», гнида. Нет, всё равно он говорил «с дохлой», да ещё и спорил: про зверя нельзя говорить «мёртвый», только про человека.

Как будто люди так уж намного лучше.

Да демон с ним. Я свистнула Тяпу, взяла мешок сдохлым котом — и мы вышли на манеж. Освещённый аж пятью фонарями. Где воняло пивом и старыми опилками, падалью, духами, потом и пудрой, а теперь ещё и тухлыми яйцами вдобавок.

Лохов в тот вечер набралось много, морд тридцать, может, даже тридцать пять. Клоп поставил дополнительные стулья. Но в этом, в общем, ничего необычного не было, дёрнуло другое: Дар, который на представлениях всегда еле тлел, тусклым красным огоньком, как угли под пеплом, вдруг полыхнул так, что жар ударил в щёки.

Дар развернул мою голову в нужную сторону — уже не как барометр, а как компас.

В первом ряду сидел юный лох, старше меня, быть может, на пару лет, а может, и не старше. Одетый как какой-нибудь нищеврод-приказчик из перчаточной лавчонки, но с невероятно аристократическим и невероятно красивым лицом. С бледным и надменным лицом. Пожирал меня ледяными серыми глазами.

Так на меня ещё лохи не смотрели.